

СЛАВЯНСКИЙ МИР РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
ПОИСКИ ФОРМЫ

УДК 94(367).012; ББК 63.3(2)41; DOI 10.21638/11701/spbu19.2016.101

А. А. Горский, А. Плетерский, В. В. Пузанов, П. В. Шувалов

**«ПЛЕМЯ» В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ
В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (ФОРУМ)**

Редакция журнала «*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*» продолжает развивать тему раннесредневековых славянских общностей. В настоящем выпуске мы попросили ведущих специалистов по данной проблематике ответить на вопросы, посвященные проблеме изучения племени как начальной форме социальной и/или политической организации. В дискуссии приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Ижевска и Любляны (Словения).

Используете ли Вы термин «племя» в Ваших работах, когда речь идет о славянских обществах раннего Средневековья, и, если да, то в каких контекстах и в связи с какими задачами Вы предпочитаете его использовать?

А. А. Горский: Нет, не использую.

А. Плетерский: Нет, термин «племя» при описании ранних славян мною не используется.

В. В. Пузанов: Да, использую в двух случаях: 1) для обозначения догосударственных образований в целом (как собственно «малых племен», так и их объединений / союзов); 2) для обозначения этнических общностей, которые строятся на кровнородственных связях, реальных или фиктивных.

П. В. Шувалов: Использую, но предпочитаю делать это как можно реже в силу его неопределенности. И скорее применяю его не как термин, а как удобное литературное понятие. В то же время в моем сознании, как я это понимаю сейчас, это слово обладает некоторыми характерными чертами, сильно ограничивающими обращение к нему. «Племя» для меня — это *надсемейный / надродовой этно-социальный организм с единым организационным центром, способный к целенаправленной единовременной миграции*: например, для Северной Америки XVIII–XIX веков онейда, сенека, кроу, пиеганы, янктонаи, чероки Оклахомы и, возможно, метисы-колонисты с Ред-ривер — это племена, а кри и оджибве — это не племена, а народности; ирокезы и сиу / дакота — не племена, а союзы / конфедерации племен. Предпочту не употреблять слово «племя» к народам, достигшим уже уровня достаточной цивилизованности, как остготы времени Амаласунты или авары VIII века, афиняне времен битвы при Саламине или буры времени Великого трека. По причине плотной оседлости вряд ли употреблю слово «племя» по отношению к фюлькам раннесредневековой Норвегии или галльским общинам времени римского господства.

Поиск на «плем-» по некоторым моим работам дал такой результат. Термин я употребляю, в выражениях либо восходящих к формулировкам источников: «названия славянских племен», «в названии племени велегезитов», «племя арвернов по словам Цезаря», «Страбон упоминает племена бастарнов», либо в неопределенных формулировках «то или иное племя» и «конфедерация или группа каких-то племен»¹.

Насколько это мое личное ощущение семантического поля слова «племя» отражает общепринятые представления, боюсь судить. Видимо, это свидетельствует в пользу признания за этим словом прав на существование в научном тексте, но не как какого-то специального термина, который можно ввести волевым усилием в употребление или отказаться от него. В советский период было предписано считать племенем «союз взаимобрачующихся родов», но развитие науки (см., например, книгу Н. М. Гиренко²) показало узость и бессмысленность такой трактовки: термин потерял свою определенность.

Считаете ли Вы приемлемым использование термина «племя» при обращении к этнической истории славян в раннем Средневековье? Если нет, пожалуйста, объясните почему. Если да, то что Вы понимаете под племенем в этническом смысле?

А. А. Горский: Нет. Он неприемлем по двум причинам. Во-первых, он не применяется по отношению к славянским догосударственным общностям в источниках (притом, что слово «племя» в них присутствует — в других значениях). Во-вторых,

---

¹ Шувалов П. В. 1) Славяне Псевдо-Маврикия // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину / Отв. ред. Д. А. Мачинский. СПб., 2011. С. 321–331; 2) Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) // SSBP. 2008. № 2 (4). С. 13–20; 3) Волкодлаки, заложенные покойники и великая экспансия славян // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в I тысячелетии христианской эры: Пятое чтение памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–22 декабря 2000 г. СПб., 2001. С. 5–12; 4) Три карты Европейской Сарматии Клавдия Птолемея // Stratum plus. 2013. № 4. С. 75–89; и др.

² Гиренко Н. М. Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. СПб., 2004.

«племя» как условное научное понятие обозначает, как ныне признано, более ранний этап этнополитического развития, чем тот, на котором пребывали в раннем Средневековье славяне: они находились, по современной научной терминологии, на стадии «вожеств». Применение понятия «племя», таким образом, заведомо архаизирует общественный строй раннесредневековых славян; по логике, в этом случае надо отрицать формирование у них государств, поскольку со стадии «племен», с точки зрения современной политической антропологии, переход к государству невозможен: он происходит со стадии «вожеств»³.

А. Плетерский: Названия так называемых «племен» в письменных источниках появляются относительно поздно, причем они, по большей части, представляют собой обозначения, даваемые тем или иным группам славян со стороны. Таким образом, речь шла о процессе их идентификации соседями. «Племенные» названия славян преимущественно указывают на их географическую принадлежность (например, поляне, ободриты, древляне) либо имеют неславянское происхождение (анты, хорваты, сербы, русы), либо указывают на особенности «характера» (например, лютичи), либо намекают на существование ритуального сообщества, именуемого по имени мифического первопретка (чехи). Между тем, основополагающей социальной, экономической, религиозной и правовой единицей славян, по моему мнению, была жупа⁴. Жупа представляла собой автономную ячейку, которая могла совершенно свободно интегрироваться в более широкую группу. В связи с этим заслуживает внимания, что у славян в качестве синонимов выступали слова «жупан» («великий жупан») и «князь». То, что второе слово имеет германское происхождение, говорит о том, что славяне первоначально не имели функционера более высокого статуса, чем жупан, или у них не было функциональной территориальной единицы, которая бы была больше, чем жупа. Показательно и то, что слова «жупан» и «князь» в славянских языках осуществили одинаковое семантическое развитие: оба слова стали впоследствии означать у славян как гражданского функционера, так и религиозного (например, словенский жупник), что говорит о том, что некогда обе функции были объединены.

В. В. Пузанов: Использование термина «племя» при обращении к этнической истории славян в раннем Средневековье возможно, поскольку само слово «племя» является общеславянским и обозначает различные степени родства и принадлежности к этническим группам. Солидарен с исследователями, рассматривающими племя как этническую либо этнопотестарную общность, основанную на кровнородственных связях, реальных или фиктивных. При этом следует подчеркнуть особо: фиктивные связи были не менее прочными, чем реальные.

П. В. Шувалов: Об употреблении слова «племя» по отношению к этническим аспектам раннеславянской истории сформулировать что-то специфическое (в дополнение к общему, сказанному мною выше) как-то трудно. Видимо, либо наши источники умалчивают о конкретных племенах славян VI века (кроме немых археологических данных и общих формулировок Прокопия Кесарийского, Иордана и др.), либо славянское этническое сознание приняло вместо общеславянской формы форму племенную

³ См.: Горский А. А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. М., 2012. Вып. 10. С. 32–48.

⁴ См.: Pleterski A. (= Плетерский А.). 1) Die altslawische župa — der Staat vor dem Frühstaat // Kraje slowiańskie w wiekach średnich, profanum i sacrum / Red. H. Kóčka-Krenz, W. Losiński. Poznań, 1998. S. 79–81; 2) О «the Making of the Slavs» изнутри // SSBP. 2008. № 2 (4). С. 33–36.

достаточно поздно — с переходом к надежной оседлости — и, соответственно, отделить это новое племенное сознание от регионального нам теперь (да и, вероятно, им самим в те времена) достаточно сложно.

Считаете ли Вы приемлемым использование термина «племя» при обращении к социально-политической истории славян в раннем Средневековье? Если да, то что Вы понимаете под племенем в социальном смысле? Если нет, пожалуйста, объясните почему.

А. А. Горский: Нет, по тем же причинам, что названы мною в ответе на второй вопрос.

А. Плетерский: В свете позиции, изложенной мною при ответе на второй вопрос, мне представляется, что мы не можем говорить о существовании племен у древних славян, особенно если мы используем понятие племени в том же значении, в каком оно традиционно использовалось по отношению к древним грекам, римлянам, германцам, кельтам. Понятие племени при этом необходимо отделять от самого слова «племя», которое, конечно, было хорошо известно славянам. Оно, к примеру, до сих пор используется буневцами на Велебите (Хорватия) для обозначения семьи, то есть тесно связанной родственными узами группы людей. Если ситуацию с использованием слова «племя» в позднейших славянских источниках спроецировать (с некоторыми рисками) в прошлое, то тогда получается, что одна жупа состояла из нескольких племен.

В. В. Пузанов: Да, если будут основания считать рассматриваемое образование *племенем*. Но прежде, в нынешней историографической ситуации, надо определиться с понятием славянского *вождества* и тем, чем оно отличается от *племени*. Совпадают ли они как социальные образования? Являются ли равностадиальными при имеющихся (и каких именно) различиях и т. п.? Необходимо попытаться отделить этносоциальные отношения от потестарных. У нас нередко все сводят фактически к старой схеме, отработанной на так называемых «племенных княжениях», по принципу: раз упоминается у того или иного славянского объединения князь, значит перед нами *вождество* (раньше было — *племенное княжение*). Однако *вождество* являлось широко распространенной, но не единственной формой организации общества на конечном пути к государству, равно как и не обладало монополией на институт *вождя*. Вожди имелись и в менее иерархических структурах, чем *вождество*. Одной из альтернатив *вождеству*, по мнению Н. Н. Крадина, являлась *гетерархия*⁵. Институт вождя, наряду с народным собранием и советом старейшин, характерен для военной демократии⁶. Возникает вопрос: был ли народ, по подобию вождеств, отстранен от непосредственного участия во власти у склавинов и антов? или у восточных славян накануне образования Древнерусского государства? Имеющиеся источники позволяют сомневаться в этом.

Не решен также важный для определения типологии славянских образований вопрос об иерархии возглавлявших их вождей: была ли это властная иерархия, харак-

---

⁵ Крадин Н. Н. Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 229–232.

⁶ Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. В. А. Попов. М., 1995. С. 19, 21.

терная для сложного вожества, или это ранжированность церемониальных статусов, не имеющих, согласно классификации Р. Карнейро⁷, отношения к вожеству? И если перед нами все-таки властная иерархия, то каким образом, когда и где она пришла на смену ранжированности церемониальных статусов? Исследователи из славянских стран, что оправдано в условиях острого дефицита источников, ориентируются на поиск исторических аналогий, прежде всего, в германском мире. Однако следует признать, что большинство германцев стадияльно опережали в своем развитии славян. Что германское общество, описанное Тацитом, по уровню стратификации и потестарных отношений продвинулось дальше, чем антское и склавинское, оказавшиеся в сфере внимания византийских авторов. Что касается восточных славян, то их расселение на огромных пространствах Восточной Европы, среди народов, которые (за исключением иранских) находились еще на более низкой стадии развития, чем пришельцы, не только не сопровождалось прогрессом в общественных отношениях (как это было у их родственников на Балканах), но напротив, вело к стагнации и даже регрессу, консервации родового быта⁸. Иными словами, родовые и племенные связи не распадаются в ходе расселения восточных славян, как считают некоторые исследователи, а напротив, укрепляются.

Пока не решены поставленные вопросы, применение термина *вождество* применительно к какому-либо славянскому образованию требует специальных обоснований. Понятие «племя» более нейтрально и, как исконно славянское, в большей степени отражает реалии догосударственного периода, чем иноземные заимствования типа «славиний». Его удобно использовать тогда, когда нужно просто подчеркнуть догосударственный характер тех или иных этнопотестарных общностей.

П. В. Шувалов: В дополнение к общим положениям, сформулированным мною в начале, добавлю, что какие-то социальные региональные централизованные сообщества со своими названиями (ринхины, древляне Искоростеня, чехи) стали формироваться вскоре после великого славянского расселения, но каково их происхождение, внутреннее устройство и мобильность на том этапе, судить нам очень сложно. Поэтому условное употребление по отношению к ним слова «племя» удобно и вполне возможно, но вряд ли как-то поможет их исследованию.

Каковы, на Ваш взгляд, социальные механизмы, обеспечивавшие распространение и воспроизведение групповых («племенных») идентичностей в славянском обществе в раннем Средневековье? Были ли, на Ваш взгляд, эти механизмы отличными от тех, что существовали в германских обществах?

А. А. Горский: Главными носителями этнополитических идентичностей была элита — князья и окружающая их военно-служилая знать. Принципиально механизмы были те же, что в германских общностях.

---

⁷ Карнейро Р. Л. Процесс или стадия: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 89.

⁸ Данилова Л. В. Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия // Система государственного феодализма в России / Отв. ред. Л. В. Данилова. М., 1993. Вып. 1. С. 47; Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 52–54, 110; Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015. С. 41–42.

А. Плетерский: Интегрирующим началом в жупе была нерасторжимая целостность того, что мы сегодня называем экономикой, религией, судебной системой. По моему мнению, такая картина по своим принципиальным основам не отличалась от того, что наблюдалось у германцев в дохристианскую эпоху, а также там, где у них не было контактов с Римской империей.

В. В. Пузанов: Главный механизм, обеспечивавший распространение и воспроизведение групповых идентичностей в традиционном обществе, — традиции, закрепляемые в преданиях, мифологии, религиозных обрядах. С принятием христианства важную роль играла церковь как с точки зрения представлений об общеславянских корнях (использование старославянского языка; свидетельства летописей и хроник об общих славянских корнях и т. п.), так и с точки зрения обрядов и празднования знаменательных дат, закреплявших этнополитическую идентичность. Интересные результаты на этот счет получены этнографами на материалах Среднего Урала. Установлено, что историческая память русских крестьян уходила в глубь времен на 200–400 лет, что важную роль в ее сохранении играла церковь, регулярно отмечавшая те или иные знаменательные события в истории края⁹. Таким образом, формировалась не только историческая память, но и закреплялась идентичность русского крестьянства в условиях иноэтничного и иноконфессионального окружения. Русская идентичность восточных славян укреплялась и по мере того, как «греческая вера» превращалась в «веру русскую»¹⁰. Показательно позднейшее самоназвание русских — *православные*.

Важным механизмом распространения «племенных» идентичностей в древности и Средневековье была война. «Согласно очень общей европейской модели, в первом тысячелетии н. э. этническая принадлежность, приписываемая правителю, приписывалась его подданным независимо от их происхождения, языка и культуры»¹¹. В восточнославянской истории наглядным примером выступает летописное наречение Олегом варягов, славян и прочих «русью». Не важно, делал ли это наречение Олег на самом деле или нет. Важно, что именно таким образом воспринимали процесс превращения славян, варягов «и прочих»¹² в «русь» восточнославянские книжники древнерусского времени. Фактически перед нами своеобразный обряд массовой адаптации — принятия Олегом подданных в свой «род» — «Русь». («Мы от рода Русаго» говорили, согласно летописным договорам Руси с Византией, послы Олега и Игоря¹³). По мере расширения владений «русских» князей, формировалась территория Руси и формировался народ «русь» — «русины».

Не могу сколько-нибудь авторитетно судить о механизмах воспроизведения этнической идентичности у германцев. Очевидно одно: в своем развитии они, в основной массе, стадийно опережали славян, обладали более развитой мифологией и героическим эпосом. В стадию христианства германцы вступали с более высоких ступеней духовного развития, с более стратифицированным обществом и четко оформленным аристократическим элементом. Славяне — более молодой этнос, с более выражен-

---

⁹ Чагин Г. Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. Пермь, 1999. С. 131–150.

¹⁰ Пузанов В. В. Древнерусская государственность... С. 273.

¹¹ Янссон И. Русь и варяги // Викинги и славяне: Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998. С. 38.

¹² ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 23.

¹³ Там же. Стб. 32–33, 46.

ными эгалитарными чертами и родовыми традициями. Особенно это касается славян Восточной Европы. Восточнославянские союзы племен еще не выработали прочных идеологических оснований своей идентичности, что способствовало не только быстрому принятию идентичности «русской», но и замене племенной идентичности территориальной (по названию главных городов земли) в древнерусское время. Этнонимы (племенные названия) в летописи достаточно быстро заменяются «политонимами» (названиями по городам), тогда как в романо-германских и некоторых славянских странах этнонимы в названии территориально-административных единиц сохранились до настоящего времени (Бавария, Саксония, Тюрингия, Бургундия, Нормандия, Мазовецкое воеводство и др.).

П. В. Шувалов: В силу отсутствия хороших источников судить об этом крайне трудно. Поэтому выскажу лишь некоторые соображения. В общеславянском мире, еще не распавшемся на отдельные региональные группы, таковыми механизмами могли быть семейные традиции и культы, общеславянская воинская практика и традиция, межрегиональные культы и практики. После же расселения по Средней и Восточной Европе и Балканам большую роль начали играть локальные общинные и надобщинные центры и возникающая княжеская власть. Но, в отличие от германцев той же эпохи или греков эпохи архаики и римлян республики, у славян, видимо, не существовало устойчивых традиций аристократической родовой памяти, осененной близостью к миру богов. Соответственно, княжеская власть при формировании своей идентичности более опиралась на народные представления и на историю близких им трех-пяти предшествующих поколений в пределах реальной родовой памяти.

Каково, на Ваш взгляд, было соотношение между родовым и территориальным принципом социально-политической организации славянских общностей, которые в историографии назывались племенами, в VII–VIII и позднее, в IX–X вв.? Какова, на Ваш взгляд, была роль военно-дружинного элемента в формировании общностей, обычно именуемых в историографии племенами?

А. А. Горский: Решающее значение для изменения принципа организации, в результате которого сформировались общности территориально-политического характера (по современной научной терминологии — «вождества», по тогдашней византийской — «славинии») имело славянское Расселение VI–VIII вв. Военно-дружинный элемент во главе с князьями играл ведущую роль в этом процессе.

А. Плетерский: Наличие группы людей, которую условно можно охарактеризовать как профессиональное воинство, возможно при такой форме экономики и социальных отношений, которая делает возможным сосредоточение материальных благ в руках узкого круга людей, которые могут использовать эти ресурсы для содержания воинов. При этом необходимо отделять то, как такая группа людей идентифицировалась соседями, чужаками, от того, как она воспринималась местным сообществом и какую роль наличие такой группы играло в самоидентификации этого сообщества.

В. В. Пузанов: К сожалению, выявить соотношение между родовым и территориальными принципами социально-политической организации у славян в раннем Средневековье практически невозможно. Можно лишь делать определенные предположения, ориентируясь на скудные источники и компаративный анализ. Что касается

восточных славян, то на основной территории их обитания родовой принцип организации общества уступает территориальному, видимо, во второй половине X – первой половине XI столетия.

Вопрос о древнеславянских дружинах в германском (тацитовском) варианте остается нерешенным в историографии. По крайней мере, никто пока еще не привел сколько-нибудь убедительных доводов в пользу их существования не только для VI–VII, но и для VIII столетия. Другое дело, что славяне могли называть «дружинами» и временный отряд, объединившийся для военного набега вокруг какого-либо харизматичного предводителя, войско в целом (в том числе — народное ополчение), общину (общинников), какое-либо сообщество, спутников в путешествии, домохозяев и пр.¹⁴ Что касается постоянной, находящейся при дворе вождя и живущего на его счет дружины («домашний союз»), целью которой является война и добыча, то такие дружины известны ограниченной группе славянских средневековых источников (моравским, чешским, польским и древнерусским)¹⁵ и упоминаются применительно к событиям не ранее IX в. Долгое время в историографии, в том числе славянских стран, господствовало мнение о том, что подобные дружины на славянской почве — результат германского влияния. После Второй мировой войны ситуация меняется. Не только советские историки, но и исследователи из стран сформировавшегося социалистического лагеря предпочли вести речь о славянских дружинах как результате внутреннего развития, настаивали на важной роли данного института в становлении славянских государств. В известной степени эта ситуация сохраняется и в настоящее время¹⁶. Думается, это отголоски военного и идеологического противостояния с фашистской Германией, когда столкнувшись с нацистской машиной тотального уничтожения «неарийских» народов, оскорбленные нацистскими ярлыками о расовой неполноценности, исследователи из славянских стран пытались доказать равностадийное историческое развитие славян и германцев.

Сейчас историографическая картина несколько иная. Однако курс на завышение уровня развития славян, в той или иной степени, доминирует в «славянской» историографии. Высказываются положения, согласно которым «скандинавы в политическом плане стояли не выше, а ниже славян»¹⁷ и т. п. Но каким образом, например, потестарные институты могли быть более развитыми у славян, если они существенно отставали от своих соседей (за исключением финно-угров и балтов), в первую очередь от скандинавов, по уровню металлообработки?¹⁸ Если их вооружение не намного ушло вперед по сравнению с антским временем и представляло собой более орудия охоты,

---

¹⁴ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 5 (*delo- *dbrzblb) / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1978. С. 134–135; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 (Г–Д). М., 1977. С. 363.

¹⁵ Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012. С. 87.

¹⁶ Историографию вопроса см.: Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 87–128.

¹⁷ Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 9–10.

¹⁸ Минасян Р. С. Попытка трезво оценить уровень раннеславянского металлообрабатывающего производства // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Материалы международной конф., посв. 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968). 3–5 декабря 2012 г. Санкт-Петербург. СПб., 2012. С. 281–284; Пузанов В. В. Древнерусская государственность... С. 276–277.

чем войны? О какой серьезной стратификации могут говорить бедные славянские поселения раннего Средневековья?

Не случайно мы знаем имена отдельных восточнославянских князей, но ничего не знаем о существовании у них дружин. В наших летописях дружины фигурируют только в окружении Рюриковичей, от которых, собственно, и ведут свой генезис дружины древнерусского времени. Что касается этих дружин, то они, конечно, сыграли важную роль в образовании Древнерусского государства.

П. В. Шувалов: Относительно соотношения родового и территориального я, по-видимому, не до конца понимаю вопроса. По-крайней мере, одна семья (один род) мог разрастись до целой общины (малого племени) только будучи связанным с другими родами: принцип экзогамии обычно старались соблюдать. Примером такого разрастания, возможно, является так называемое черновское гнездо поселений, описанное Б. А. Тимощуком¹⁹, развившееся из одного селища VI–VII вв. до общины-хотара XV века в долине площадью 5×10 км. С другой стороны, некоторые раннеславянские коллективы мигрировали под руководством той или иной яркой личности, потомки которого могли претендовать затем на присвоение их родом структурообразующего лидерства как в их время, так и до них *post factum*.

Военные сообщества должны были сильно влиять на формирование тех или иных групп населения. На раннем этапе это были, возможно, различного рода мужские или молодежные культовые общества, а затем под влиянием германцев и византийцев эту роль стала играть личная дружина при князе, если князю удавалось отеснить родоплеменных вождей и жречество.

Чем в Вашем представлении являлась славянская общность в VII–VIII и позднее, в IX–X вв.? Может ли, на Ваш взгляд, славянская общность быть определена как этническая? Каковы, на Ваш взгляд, были социальные механизмы, обеспечивавшие распространение и воспроизведение славянской идентичности в раннем Средневековье?

А. А. Горский: Если в вопросе имеется в виду *общеславянская* общность, то полагаю, что славянская идентичность для всех областей славянского мира была реальностью, ее объяснения как первоначально византийского конструкта и т. п. надуманны. Имелось осознание общего происхождения. Другое дело, что общеславянская идентичность не была единственной, но это обычное явление. Например, в «Повести временных лет» проявляется общехристианская идентичность, восточнохристианская, общеславянская, русская и еще «киевско-полянская» — всего пять уровней.

А. Плетерский: Даже если отбросить современное определение «этнический», у нас нет никаких доказательств того, что славяне когда-либо выступали в качестве единого сообщества. Тем не менее, религиозно-хозяйственно-правовая структура, элементом которой являлся и язык, воспроизводилась в каждой жупе столь похожим образом, что славяне в этом плане ощущали себя людьми одного и того же языка и одних и тех же обычаев, отличаясь тем самым от неславянских соседей. Также есть некоторые основания говорить, что существовали религиозно связанные друг с другом группы жуп, представители которых периодически устраивали встречи в святых местах.

---

¹⁹ Тимощук Б. А. Восточнославянская община VI–X вв. М., 1990. С. 73, 78.

В. В. Пузанов: Не будучи этнологом, не рискну вмешиваться в спор о природе славянской общности в раннем Средневековье. Из византийских источников следует, что было ощущение склавинской и антской общности, но не было осознания общности склавино-антской. Впрочем, вполне возможно, склавины могли осознавать, что анты им ближе, чем другие народы. Подобным же образом могли относиться к склавином и анты. В IX–X вв. важную роль должна была сыграть славянская грамота, а со временем и формирующаяся письменная традиция.

Конечно, «книжная идентичность» — явление не всеобщего, а элитарного уровня. С принятием христианства определенную роль, как уже отмечалось выше, могла играть церковь. Было бы интересно выяснить также, какую роль для поддержания общеславянской идентичности могли играть межэтнические контакты (близость славянских языков позволяла их обладателям общаться друг с другом) и локальная славянская идентичность (словаки, словене, словенцы и т. п.). В свое время Н. И. Толстой высказал интересную мысль, согласно которой у Нестора *славянское* сознание было более четко выражено, чем *русское*²⁰. Имеются также основания предполагать, что в Древней Руси понятие «славянин» использовалось в качестве одного из самоназваний древнерусского населения, особенно когда нужно было провести грань между славянским и неславянским населением Руси²¹.

П. В. Шувалов: Славяне раннего Средневековья, несомненно, представляли собой этническую общность. Тут я опираюсь на разработку этнического в трудах Л. С. Клейна²². Согласно Прокопию Кесарийскому, славяне имели общее наименование, помнили о своем общем легендарном происхождении и имели одни обычаи и язык, что подкрепляется данными археологии и лингвистики. Вопрос лишь в том, сколь долго эта память реально сохранялась и сколько времени после ее угасания еще продолжало существовать культурное и лингвистическое единство.

Данные о статье

Авторы: Горский, Антон Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет, Москва, Россия, Gor-ks@yandex.ru;

Плетерский, Андрей — доктор археологии, доктор истории, научный советник, Институт археологии Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств, Любляна, Словения, pleterski@zrc-sazu.si;

Пузанов, Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Республика Удмуртия, Россия, ruzanov@udm.ru;

Шувалов, Петр Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, p.shuvalov@spbu.ru

Заголовок: Славянский мир раннего Средневековья: поиски формы (форум) (Ответы на вопросы журнала «Studia Slavica et Balcanica Petropolitana»)

Резюме: Отвечая на вопрос о целесообразности использования термина «племя» применительно к славянским обществам раннего Средневековья, А. А. Горский и А. Плетерский ответили, что не используют это понятие, тогда как В. В. Пузанов ответил, что использует этот термин для обозначения как догосударственных славянских образований в целом, так и славянских этнических общностей, основанных на родственных связях, реальных или фиктивных. П. В. Шувалов ответил, что предпочитает использовать термин «племя» скорее как литературное понятие, нежели как научный термин. По мнению А. А. Горского, использование термина «племя» применительно к раннесред-

---

²⁰ Толстой Н. И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 446.

²¹ Пузанов В. В. Древнерусская государственность... С. 174–175.

²² См.: Клейн Л. С. Этногенез и археология. Т. 1: Теоретические исследования. СПб., 2013.

невековым славянам неправильно, так как, во-первых, данное слово не используется в таком значении в источниках, а во-вторых, славяне в раннем Средневековье находились на стадии вождеств, а не на стадии племен. А. Плетерский, указывая на то, что племенные названия славян фиксируются поздно и являются, главным образом, результатом идентификации извне, рассматривает в качестве базовой социальной единицы ранних славян жупу. По мнению А. Плетерского, жупа как основная ячейка славянского общества представляла собой социальную, экономическую, религиозную и правовую целостность. В. В. Пузанов указывает на неопределенность соотношения понятий «племя» и «вождество» применительно к славянам, замечая, что в историографии вождествами стали называть то, что прежде именовали «племенными княжениями». Между тем, отмечает В. В. Пузанов, наличие вождя отнюдь не означает автоматически, что перед нами вождество. Отвечая на вопрос о механизмах возникновения и воспроизведения племенных идентичностей в славянском обществе, П. В. Шувалов отмечает, что в отличие от германцев у славян, видимо, не существовало устойчивых традиций аристократической родовой памяти с ее акцентом на близости к миру богов. По мнению П. В. Шувалова, княжеская власть у славян при формировании своей идентичности более опиралась на народные представления и на историю близких им трех-пяти предшествующих поколений в пределах реальной родовой памяти.

Ключевые слова: племя, ранние славяне, славянские племена, жупа, вождество

Литература, использованная в статье:

- Гиренко, Николай Михайлович.* Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. Санкт-Петербург: Carillon, 2004. 512 с.
- Горский, Антон Анатольевич.* Первое столетие Руси // Средневековая Русь. 2012. Вып. 10. С. 32–48.
- Данилова, Людмила Валерьяновна.* Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия // Система государственного феодализма в России / Отв. ред. Данилова, Людмила Валерьевна. Москва: Институт российской истории РАН, 1993. Вып. 1. С. 40–92.
- Карнейро, Роберт.* Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации / Ред. Крадин, Николай Николаевич; Коротаев, Андрей Витальевич; Бондаренко, Дмитрий Михайлович; Лынша, Валерий Алексеевич. Москва: Логос, 2000. С. 84–94.
- Клейн, Лев Самойлович.* Этногенез и археология. Т. 1: Теоретические исследования. Санкт-Петербург: Евразия, 2013. 528 с.
- Крадин, Николай Николаевич.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. Попов, Владимир Александрович. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 11–61.
- Крадин, Николай Николаевич.* Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии // Древнейшее государство Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки пути образования Древнерусского государства. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 211–239.
- Минасян, Рафаэль Сергеевич.* Попытка трезво оценить уровень раннеславянского металлообрабатывающего производства // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968). Санкт-Петербург, 3–5 декабря 2012 г. Санкт-Петербург: СОЛО, 2012. С. 281–284.
- Плетерский, Андрей.* О «the making of the Slavs» изнутри // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). С. 33–36.
- Пузанов, Виктор Владимирович.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2007. 624 с.
- Стефанович, Петр Сергеевич.* Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. Москва: Индрик, 2012. 656 с.
- Тимощук, Борис Анисимович.* Восточнославянская община VI–X вв. Москва: Наука, 1990. 184 с.
- Толстой, Никита Ильич.* Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 441–447.
- Трубачев, Олег Николаевич (ред.).* Этимологический словарь славянских языков. праславянский лексический фонд. Вып. 5 (*delo–*dbrzblb). Москва: Наука, 1978. 234 с.

Фроянов, Игорь Яковлевич. Лекции по русской истории. Киевская Русь. Санкт-Петербург: Русская коллекция, 2015. 1048 с.

Чагин, Георгий Николаевич. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века: Учебное пособие. Пермь: Издательство Пермского университета, 1999. С. 131–150.

Шинаков, Евгений Александрович. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Восточная литература, 2009. 477 с.

Шувалов, Петр Валерьевич. Волкодлаки, заложные покойники и великая экспансия славян // Миграции и оседлость от Дуная до Ладого в I тысячелетии христианской эры: Пятое чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 21–22 декабря 2000 г.): Материалы к чтениям / Ред. Мачинский, Дмитрий Алексеевич; Селин, Адриан Александрович. Санкт-Петербург: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 2001. С. 5–12.

Шувалов, Петр Валерьевич. Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). С. 13–20.

Шувалов, Петр Валерьевич. Славяне Псевдо-Маврикия // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину / Отв. ред. Мачинский, Дмитрий Алексеевич. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011. С. 321–331.

Шувалов, Петр Валерьевич. Три карты Европейской Сарматии Клавдия Птолемея // *Stratum plus*. 2013. № 4. С. 75–89.

Янссон, Ингмар. Русь и варяги // Викинги и славяне: Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. Санкт-Петербург: Издательство «Дмитрий Буланин», 1998. С. 19–55.

Pleterski, Andrej. Die altslawische župa — der Staat vor dem Frühstaat // *Kraje slowiańskie w wiekach średnich: profanum i sacrum* / Red. Kóčka-Krenz, Hanna; Losiński, Władysław. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 1998. S. 79–81.

Information about the article

Authors: Gorskiy, Anton Anatolievich — Doctor in History, Professor, Moscow State University, senior research member, Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Gorsks@yandex.ru;

Pleterski, Andrej — Ph. D. in Archaeology, Ph. D. in History, scientific advisor, Institute of archaeology of the Scientific Research Center of the Slovenian Academy of Sciences and Arts; Professor, University of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia, pleterski@zrc-sazu.si;

Puzanov, Viktor Vladimirovich — Doctor in History, Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Udmurt Republic, Russia, puzanov@udm.ru;

Shuvalov, Petr Valerievich — Ph. D. in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, p.shuvalov@spbu.ru

Title: «Slavic World» in the early Middle Ages: the search of form (Forum) (Answers to the questionnaire of «*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*»)

Summary: In answer to question of the appropriateness of using the term «tribe» in relation to the Slavic societies of the early Middle Ages, A. Gorskiy and A. Pleterski said that they did not use the term in this context, while V. Puzanov said that he uses the term to refer to both Slavic pre-state formations in general and those Slavic ethnic groups that based their cohesion on real or fictitious kinship. P. Shuvalov said that he prefers to use the term «tribe» rather as a literary concept, than a scientific term. According to Gorskiy, the use of the term «tribe» in reference to the early medieval Slavs is incorrect because, first, the word is not used in this sense in primary sources, and, second, the Slavs in the early Middle Ages were at the stage of chiefdoms, and not at that of tribes. A. Pleterski, while pointing out that many Slavic tribal names are only attested in late sources and mainly the result of the identification from the outside, thinks that the basic social unit of the early Slavs was župa (zhupa). According to Pleterski, župa as the basic unit of the early Slavic society was a social, economic, religious and legal entity. Puzanov points to the uncertainty of correlation of the terms «tribe» and «chiefdom» in relation to the early medieval Slavs, noting that in historiography the term chiefdom used to be used to what was known earlier «tribal principality». Meanwhile, Puzanov notes, the presence of a («tribal») leader does not automatically mean that the question is of a chiefdom. In answer to the question of mechanisms of the emergence and reproduction of tribal identities in the Slavic community, Shuvalov said that in contrast to the Germanic tribes, Slavs, apparently, had no strong traditions of aristocratic ancestral memory with its emphasis on proximity to the world of gods. According to Shu-

valov, the princely power among the Slavs in what concerned the formation of their tribal identities based on the folk presentation of history as well as the memory of three to five previous generations within the real ancestral memory.

Keywords: tribe, early Slavs, Slavic tribes, župa, chiefdom

References:

- Carneiro, Robert. Process ili stadii: lozhnaya dihotomiya v issledovanii istorii voznikoveniya gosudarstva [Process or stages: A false dichotomy in state formation studies], in Kradin, Nikolaj Nikolaevich; Korotaev, Andrej Vital'evich; Bondarenko, Dmitriy Mihajlovich; Lynsha, Valerij Alekseevich (eds). *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii*. Moscow: «Logos» Publ., 2000. P. 84–94 (in Russian).
- Chagin, Georgij Nikolayevich. *Istoriya v pamyati russkikh krest'yan Srednego Urala v seredine XIX – nachale XX veka* [History in the memory of Russian peasants of the Middle Urals region in the mid-19th to early 20th centuries]. Perm: Perm University Press, 1999. P. 131–150 (in Russian).
- Danilova, Lyudmila Valerianovna. Stanovlenie sistemy gosudarstvennogo feodalizma v Rossii: prichiny, sledstviya [The formation of state feudalism system in Russia: reasons, consequences], in Danilova, Lyudmila Valerianovna (ed.). *Sistema gosudarstvennogo feodalizma v Rossii*. Moscow: Institut of Russian history of Russian Academy of Sciences Press, 1993. Vol. 1. P. 40–92 (in Russian).
- Froyanov, Igor' Yakovlevich. *Leksii po russkoy istorii. Kievskaya Rus'* [Lectures on Russian history: Kievan Rus']. St. Petersburg: «Russian collection» Publ., 2015. 1048 p. (in Russian).
- Girenko, Nikolay Mikhaylovich. *Sotsiologiya plemeni. Stanovlenie sotsiologicheskoy teorii i osnovnye komponenty sotsial'noy dinamiki* [The sociology of tribe. The genesis of sociological theory and the main components of social dynamics]. St. Petersburg: «Carillon» Publ., 2004. 512 p. (in Russian).
- Gorskiy, Anton Anatol'evich. Pervoe stoletie Rusi [The first century of Rus'], in *Srednevekovaya Rus'*. 2012. Issue 10. P. 32–48 (in Russian).
- Jansson, Ingmar. Rus' i varyagi [Rus' and varangians], in *Vikingi i slavyane: Uchenye, politiki, diplomaty o russko-skandinavskikh otnosheniakh*. St. Petersburg: «Dmitriy Bulanin» Publ., 1998. P. 19–55 (in Russian).
- Kleyin, Lev Samoylovich. *Etnogenez i arheologiya. Tom 1: Teoreticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and archaeology. Vol. 1: Theoretical studies]. St. Petersburg: «Eurasia» Publ., 2013. 528 p. (in Russian).
- Kradin, Nikolay Nikolaevich. Vozhdestvo: sovremennoe sostoyanie i problemy izucheniya [Chiefdom: current state and problems of research], in Popov, Vladimir Aleksandrovich (ed.). *Rannye formy politicheskoy organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti*. Moscow: «Vostochnaya literatura» Publ., 1995. P. 11–61 (in Russian).
- Kradin, Nikolay Nikolayevich. Stanovlenie gosudarstvennosti na Rusi v svete dannykh politicheskoy antropologii [The formation of state in Old Rus' in the light of political anthropology], in *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Yevropy. 2010 god: Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva*. Moscow: The Russian fund for supporting education and culture Publ., 2012. P. 211–239 (in Russian).
- Minasyan, Rafael' Sergeyeovich. Popytka trezvo otsenit' uroven' ranneslav'yanskogo metalloobrabatyvayushchego proizvodstva [An attempt of a sober appraisal of the early Slavs' metalworking], in *Slavyane Vostochnoy Yevropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya Ivana Ivanovicha Lyapushkina (1902–1968)*. Sankt-Peterburg, 3–5 dekabrya 2012 g. St. Petersburg: «SOLO» Publ., 2012. P. 281–284 (in Russian).
- Pleterski, Andrej. Die altslawische župa — der Staat vor dem Frühstaat [Old Slavic župa — state before early state], in Kóčka-Krenz, Hanna; Losiński, Władysław (eds). *Kraje slowiańskie w wiekach średnich: profanum i sacrum*. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk Publ., 1998. P. 79–81 (in German).
- Pleterski, Andrej. O «the making of the Slavs» iznutri [On «the making of the Slavs» from inside], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. No. 2. P. 33–36 (in Russian).
- Puzanov, Viktor Vladimirovich. *Drevnerusskaya gosudarstvennost': genезis, etnokul'turnaya sreda, ideologicheskie konstrukty* [Old-Russian statehood: genesis, ethno-cultural environment, ideological constructions]. Izhevsk: «Udmurt University» Publ., 2007. 624 p. (in Russian).
- Shinakov, Yevgeniy Aleksandrovich. *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva: sravnitel'no-istoricheskiy aspekt* [The formation of the Old Russian state: Comparative-historical aspect]. 2nd revised edition. Moscow: Vostochnaya literatura, 2009. 477 p. (in Russian).
- Shuvalov, Petr Valeryevich. Volkodlaki, zalozhnye pokoyniki i velikaya ekspansiya slavyan, in Machinskiy, Dmitriy Alekseyevich; Selin, Adrian Aleksandrovich (eds). *Migratsii i osedlost' od Dunaya do Ladogi v I*

- tysyacheletii hristianskoy ery*. St. Petersburg: Staroladozhsky historical, architectural and archaeological museum-reserve Publ., 2001. P. 5–12 (in Russian).
- Shuvalov, Petr Valeryevich. Izobretenie problemy (po povodu knigi Florina Kurty) [The invention of the problem (On Florin Curta's book)], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. No. 2. P. 13–20 (in Russian).
- Shuvalov, Petr Valeryevich. Slavs in Pseudo-Mauricius', in Machinskiy, Dmitriy Alekseyevich (ed.). *Evropeyskaya Sarmatiya*. St. Petersburg: «Nestor-Istoria» Publ., 2011. P. 321–331 (in Russian).
- Shuvalov, Petr Valeryevich. Tri karty Evropeyskoy Sarmatii Klavdiya Ptolemeya [Three maps of the European Sarmatia of Claudius Ptolemaeus], in *Stratum plus*. 2013. No. 4. P. 75–89 (in Russian).
- Stefanovich, Petr Sergeyeovich. *Boyare, otroki, družhiny: voyenno-politicheskaya elita Rusi v X–XI vekakh* [Boyars, otroks, družhinas: warrior and political elites of Rus' in the 10th and 11th centuries]. Moscow: «Indrik» Publ., 2012. 656 p. (in Russian).
- Timoschuk, Boris Anisimovich. *Vostochnoslavyanskaya obschina VI–X vv.* [East Slavic community of the 6th–10th centuries]. Moscow: «Nauka» Publ., 1990. 184 p. (in Russian).
- Tolstoy, Nikita Ilyich. Etnicheskoe samopoznanie i samosoznanie Nestora Letopistsa, avtora «Povesti vremennykh let» [Etnic self-cognition and self-consciousness of Nestor Chronicler, the author of the «Tale of Bygone Years»], in *Iz istorii russkoy kul'tury. T. 1 (Drevnyaya Rus')*. Moscow: «Languages of Russian culture» Publ., 2000. C. 441–447 (in Russian).
- Trubachev, Oleg Nikolayevich (ed.). *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 5. (*delo-*dbrzblb). Moscow: «Nauka» Publ., 1978. 234 p. (in Russian).